

Дело было близ Тифлисской...

Для каждого адыга путник, переступивший порог его дома, был лицом священным. Перед всеми сородичами он отвечал за безопасность чужеземца, который, вступая в дом, снимал и отдавал хозяину оружие, показывая тем самым, что не нуждается в нем под кровом приютившего его. Тот, кто хоть раз воспользовался гостеприимством адыга, становился его "кунаком", что по-тюркски значило «гость». Кунаками становились и люди, между которыми существовали близкие, дружественные отношения. Они клялись в верности дружбе до конца жизни. Крайне редки бывали случаи, когда кунакам приходилось скрестить оружие на поле боя, и тогда вопрос «Родина или дружба?» заставлял обоих найти однозначный ответ. Единственно возможный.

Эта история, приключившаяся в 1829 году близ станицы Тифлисской, сродни лучшим образцам античных трагедий. Сотня Андрея Гречишкина по приказу командира Казачьего полка полковника Васмунда отправилась на поиск неприятеля в район между Кубанью и Лабой. Сотня в данном случае – одно название, ведь в это время значительная часть Кавказского полка была привлечена к другим заданиям, и Гречишкин мог составить отряд только из 39 казаков станицы Казанской и 20 казаков станицы Тифлисской. Всего-то шесть десятков человек. Вот с этими силами он и переправился 14 сентября через Кубань, чтобы двинуться к Зеленчуку.

В одном из оврагов казаки внезапно попали в ловушку: их окружили без малого тысяча горцев-адыгов под предводительством князя Джембулата. Вот как рассказывал об этом выдающийся летописец Кубанского казачьего войска Федор Щербина: «Черкесы, для которых не было никакого сомнения, что они одолеют казаков, не бросились, однако, сразу на них. Дело в том, что Джембулат Айтеков был кунаком, личным приятелем сотника Гречишкина. Гречишкин славился между казаками и черкесами храбростью и отвагой. Это был великан-казак, отличавшийся необычайной физической силой и неустрашимостью. Отважный и храбрый Джембулат не мог иметь иного кунака. Он по-своему любил и уважал Гречишкина».

Не в добрый час встретились кунаки на поле брани. И разговор между ними случился вот такой (или примерно такой):

— Не здесь бы нам встретиться с тобою, Андрей, — проговорил Джембулат.

— Не мы, а Бог устраивает встречи, — ответил Гречишкин.

— Да, но будь на моем месте другой, ни один из вас не ушел бы отсюда живым.

— Мы и теперь не уйдем, — спокойно возразил Гречишкин.

— Подумай, Андрей! Вас горсть, а у меня пятьсот человек. Кто может упрекнуть, если вы сдадитесь? Ты будешь не пленником, а моим кунаком; о казаках я тоже позабочусь — волос не упадет с их головы.

— Меня удивляет твое предложение, — прервал его Гречишкин. — Ты знаешь, что ни я, ни мои казаки живыми не отдадим оружия. Ты делай свое дело, а мы будем делать свое. Пусть совершится то, что предназначено каждому.

Справедливости ради стоит отметить, что Джембулат еще пытался спасти кунака. Он пробовал уговорить своих черкесов не ввязываться в бой, просто обойти такой маленький отряд казаков... Безнадёжно, горцы уже рвались в атаку. Предназначенное должно было свершиться, прав оказался Гречишкин. Но и сдаваться без боя он вовсе не собирался. Казаки вынуждены были решиться на почти невероятный поступок. Их прекрасные казачьи кони — такие выпестованные, так любовно ухоженные, такие родные — оказались больше не нужны, ведь вырваться из окружения не было ни единого шанса. В то же время, на унылой равнине не было ни возможности, ни времени для создания хоть каких-то фортификационных сооружений: ни траншею не вырыть, ни бруствер возвести. И тогда казаки убили коней, чтобы сложить из их тел укрепления, баррикады на пути наступающих горцев. Этого хватило надолго. Но в конце концов черкесы преодолели все препятствия, страшной волной прокатились по позиции мужественных казаков, изрубили, казалось, все, что способно было двигаться. А затем остановились — и повернули вспять. Ускакали долой, увозя с собой тяжело раненого Джембулата, обреченного на смерть своего кунака. Отказались идти дальше на Тифлисскую. Поняли, что встречи с еще одной казачьей сотней, пусть и ополовиненной, уже не выдержат. Казаки погибли. Казаки победили.

А когда соратники явились на место побоища и начали разбирать трупы убитых, то между ними нашлись со слабыми признаками жизни лишь три казака - Василий Русинов, Зиновий Тахомов и Климентий Дейкин. Изуродованные десятками страшных ран каждый, но все еще живые. Только трое из шестидесяти отважных. Все прочие, во главе с сотником Андреем Гречишкиным, пали на поле брани. Они предпочли священный долг защиты Родины очевидной возможности спасти свою жизнь благодаря обычаям куначества.

Вот так все и закончилось. Казаки имели возможность спастись, но даже и не подумали воспользоваться ею. Почему? Чего ради? Представьте себе, лозунг «Никто не забыт, ничто не забыто» - не пустые слова, и не только к Великой Отечественной относятся они, но и к событиям почти двухсотлетней давности. Подлинная память о настоящих подвигах остается в веках.

И если завтра вы захотите вдруг, путешествуя по Кубани, побывать в станции Тбилисской (бывшей Тифлисской), билет в железнодорожных кассах вам продадут до станции, название которой еще 110 лет назад было единогласно предложено казачьим сходом в память Андрея Леонтьевича. Станции Гречишкино.